

Л. В. ЧЕРЕПНИН

Материалы по истории русской культуры и русско-шведских культурных связей XVII в. в архивах Швеции

В марте—апреле 1959 г. я побывал в составе делегации советских историков и архивистов в Швеции, где работал в Государственном архиве г. Стокгольма. В числе многочисленных хранящихся там материалов, важных для изучения истории СССР, представляют интерес некоторые источники по истории русской культуры и русско-шведских культурных связей в XVII в.

Новые материалы о дьяке Иване Тимофееве — авторе «Временника».

В фонде новгородских документов, относящихся к периоду шведской интервенции в России начала XVII в. и вывезенных шведскими оккупантами в 1617 г. в Стокгольм, имеются три судебных дела с интересными подробностями о дьяке Иване Тимофееве.

Иван Тимофеев — один из наиболее ярких писателей начала XVII в., давший в своем «Временнике» интересное изображение событий классово-вой борьбы в России и польско-шведской интервенции в Русском государстве. Биография Тимофеева наиболее полно освещена в книге С. Ф. Платонова.¹ Ряд сведений о Тимофееве сообщает Н. П. Лихачев.²

В последующих исследованиях о Тимофееве П. Г. Васенко,³ И. И. Полосина,⁴ О. А. Державиной⁵ отсутствует материал, который мог бы в какой-либо мере пополнить наши сведения об этом выдающемся публицисте новыми фактами из его биографии.

Новые материалы о Тимофееве, извлеченные из Стокгольмского государственного архива,⁶ позволяют дать более подробное его жизнеописание. Особенно важно то, что эти материалы проливают свет на новгород-

¹ С. Ф. Платонов. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века как исторический источник, изд. 2. СПб., 1913, стр. 163—166, 448—449.

² Н. П. Лихачев. Разрядные дьяки XVI века. Опыт исторического исследования. СПб., 1888, стр. 197—199.

³ П. Г. Васенко. Дьяк Иван Тимофеев, автор «Временника». — ЖМНП, 1908, март, стр. 88—121.

⁴ И. И. Полосин. Иван Тимофеев — русский мыслитель и дьяк XVII века. — Ученые записки Московского государственного педагогического института им. В. И. Ленина, т. LX, Кафедра истории СССР. М., 1949, стр. 135—192.

⁵ Временник Ивана Тимофеева. Подготовка к печати, перевод и комментарий О. А. Державиной. М.—Л., 1951.

⁶ На один столбец с материалами о Тимофееве, хранящийся в Стокгольмском государственном архиве, обратил внимание побывавший в 1956 г. в Швеции О. Л. Вайнштейн. Однако в своем отчете о поездке он не раскрывает содержания этого столбца (О. Л. Вайнштейн. Ценные документы по истории СССР в архивах Швеции. — Вестник АН СССР. М., 1957, № 1, стр. 84).

ский период жизни Тимофеева, до сих пор являвшийся наиболее темным. Наконец, некоторое значение документы Стокгольмского государственного архива имеют и для исследования творческой истории «Временника» Тимофеева.

В своей челобитной, написанной в 1615 г. на имя шведского королевича Карла-Филиппа и поданной в Новгородской приказной избе боярам Э. К. Горну и князю И. Н. Одоевскому, Тимофеев указывал, что он «у прежних великих государей царей был во многих приказах на Москве у великих дел и зде в Новгороде».⁷ Известно, что в 1598 г. Тимофеев являлся дьяком одного из московских приказов и в этом звании поставил свою подпись на грамоте об избрании царем Бориса Годунова.⁸ Вероятно, в главе «Временника» «О обирании Бориса на царство в Новом Девиче монастыре и о воцарении его» отразились личные впечатления Тимофеева о событиях 1598 г.⁹

В документах 1604—1605 гг. И. Тимофеев упоминается в качестве дьяка приказа Большого прихода. В этой должности ему приходилось общаться с послами и гонцами австрийского императора.¹⁰

В 1605 г. Тимофеев был послан «с нарядом» в большом полку в Брянск против Самозванца.¹¹ В том же году, в царствование Лжедмитрия I, Тимофеев вместе с боярином князем В. К. Черкасским и князем А. В. Хилковым верстал в Туле поместьными и денежными окладами «ефифанцов детей боярских и новиков служилых и неслужилых».¹²

Таким образом, главу «Богопустное на ны царство Ростригино беззаконное» Тимофеев писал как свидетель и участник борьбы Лжедмитрия I с правительством Бориса Годунова, как очевидец событий недолговременного правления Самозванца.

В правление Василия Шуйского Тимофеев находился в Москве в то время, когда к ней подошли войска Болотникова. Рассказывая в своем «Временнике» о том, как «своевернии раби» подняли рать, Тимофеев говорит, что они осадили Москву, царь Василий Шуйский был заперт, как птица в клетке, а вместе с Шуйским пребывал в столице и он, Тимофеев, будучи подобен мухе, но все же выполняя царские повеления.¹³ После того как восставшие крестьяне вынуждены были отступить от Москвы, Тимофеев принял участие в подавлении восстания Болотникова, был в 1607 г. «у наряду» в полках под Калугой¹⁴ и Тулой.¹⁵

⁷ Стокгольмский государственный архив, Новгородский фонд, слоб. 55.

⁸ ААЭ, т. II, СПб., 1836, стр. 45, 53, № 7.

⁹ Временник Ивана Тимофеева, стр. 51, 217.

¹⁰ Памяти дьяку И. Тимофееву о присылке «корма» цесаревым послам, гонцам и т. д. в мае—июне 1604 г.: Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными, т. II СПб., 1852, стр. 814, 837, 877. Памяти дьяку И. Тимофееву о присылке жалованья и «корма» греческим старцам, крымским гонцам и т. д. в марте 1604 г.—сентябре 1605 г.: Смутное время Московского государства (1604—1613 гг.), вып. 1. Акты времени Лжедмитрия I (1603—1606) Под ред. Н. В. Рождественского.—ЧОИДР, 1918, кн. I, стр. 18, 47, 169, 193, 258, 260. См. также: С. К. Богоявленский. Приказные судьи XVII века. М.—Л., 1946, стр. 30—31 (7112—7114 гг.).

¹¹ С. А. Белокуров. Разрядные записи за Смутное время (7113—7121). М., 1907, стр. 69, 133, 193.

¹² Акты Московского государства, т. I. Под ред. Н. А. Попова, стр. 78, № 44. См. также: ЦГАДА, Разрядный приказ, ф. 210, Дела десятен, Ефифань, кн. 223.

¹³ Временник Ивана Тимофеева, стр. 113—114, 286—287.

¹⁴ С. А. Белокуров. Разрядные записи за Смутное время (7113—7121), стр. 86, 143.

¹⁵ Там же, стр. 87—88.

Содержащиеся во «Временнике» обвинения «непослушного самовластия рабов» были порождены той острой социальной борьбой, которая непосредственно захватила и Тимофеева.

В 1607 г. Тимофеев получил назначение в качестве дьяка в Новгород,¹⁶ где на воеводстве сидели князь А. П. Куракин и М. И. Татищев, а место дьяка (кроме Тимофеева) занимал также Ефим Телепнев. В дальнейшем имя Тимофеева упоминается в ряде новгородских документов.¹⁷ Во «Временнике» имеются некоторые неясные намеки на то, что отправка Тимофеева в Новгород была вызвана стремлением Василия Шуйского удалить его из Москвы, носила характер опалы. Тимофеев говорит: царь «кроме воля моя взыскания послати мя умилися».¹⁸ Не случайно Тимофеев резко отрицательно относится к Шуйскому, именуя его «самовенчином»¹⁹ и «срамодейственным Василием».²⁰

Положение Тимофеева в Новгороде было нелегким. Он находился в неприязненных отношениях с воеводой М. И. Татищевым, которого в одном случае называет «напраснем в делах и словесех волохишнем лжесиленьти-яром»,²¹ а в другом случае говорит, что это человек «зело прелукав и злохитр».²² Столь же неодобрительны отзывы Тимофеева и о дьяке Ефиме Телепневе, «ниже соскоден злохитрому оному (т. е. Татищеву, — Л. Ч.) во злобных нравех и собеседлив, паче же по лукавству свойствен».²³

В конце 1608 г. в Новгороде произошло восстание, в результате которого М. И. Татищев был убит.²⁴ Иван Тимофеев участвовал, по поручению М. В. Скопина-Шуйского (находившегося в Новгороде для переговоров о военной помощи и для сбора ратных людей), в описи, оценке и продаже конфискованного имущества погибшего воеводы. Соответствующая опись скреплена рукой Тимофеева.²⁵ Весьма отрицательно относясь к Татищеву, Тимофеев в своем «Временнике» (основываясь в значительной мере на материалах собственного расследования) указывает, что имущество убитого воеводы сложилось в большой степени в результате хищений.²⁶

К началу 1610 г. Тимофеев отбыл срок своей службы в Новгороде,²⁷ но не смог выехать оттуда в Москву по обстоятельствам, от его воли не зависящим. Во «Временнике» Тимофеев говорит о своей задержке в следующих выражениях: «Мое же отсюду к преславному граду вспять возвра-

¹⁶ Временник Ивана Тимофеева, стр. 114, 287.

¹⁷ В марте 1608 г. (ДАИ, т. I. СПб., 1846, стр. 266—269, № 155; ГПБ, Q IV.122, л. 217); в июле 1609 г. (ГПБ, Q IV.122, л. 217); в январе 1610 г. (Акты юридические, СПб., 1838, стр. 227, № 214/VIII) и т. д. Скрепка дьяка И. Тимофеева имеется в Новгородской кабальной книге 1609 (7117) г. (ЦГАДА, ф. 1144, Новгородская приказная изба, кн. 16 по описи 1958 г.). Последнюю книгу указал мне В. М. Панеях.

¹⁸ Временник Ивана Тимофеева, стр. 114, 287.

¹⁹ Там же, стр. 101, 274.

²⁰ Там же, стр. 121, 296.

²¹ Там же, стр. 101, 273.

²² Там же, стр. 128, 304.

²³ Там же, стр. 129, 304.

²⁴ С. Ф. Платонов. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. СПб., 1899, стр. 386—389; С. В. Бахрушин. Классовая борьба в русских городах XVI—начала XVII вв. — В кн.: С. В. Бахрушин. Научные труды, т. I, М., 1952, стр. 233—234; И. С. Шепелев. Освободительная и классовая борьба в Русском государстве в 1608—1610 гг. Пятигорск, 1957, стр. 239.

²⁵ Опись и продажа с публичного торга оставшегося имения по убиении народом обвиненного в измене Михайлы Татищева во 116 году. — ВОИДР. М., 1850, «Смесь», стр. 16, 21, 23, 32, 33).

²⁶ Временник Ивана Тимофеева, стр. 104, 277.

²⁷ В грамоте царя Василия Ивановича, посланной в Новгород в мае 1610 г., в качестве новгородских воевод упоминаются князь И. Н. Большой Одоевский и Р. А. Веьяминов, в качестве дьяков — Чюлок Бартенов и Корнил Иевлев [АЗАК (1865—1866), вып. IV. СПб., 1868, «Материалы», стр. 20—23].

щение, отнюду же преж ми семо исхождение бысть, медлением зде на долзе закосне скудостию ми возможных к подъятию действ». ²⁸ В переводе О. А. Державиной приведенный текст звучит следующим образом: «А мое возвращение отсюда назад в славный город (Москву), откуда раньше я сюда приехал, задержалось здесь и надолго замедлилось из-за скудости имеющихся у меня необходимых средств». ²⁹ Может быть, такое толкование и правильно. Но можно понимать текст и по-другому. Не исключена возможность, что Тимофеев имеет в виду не недостаток денежных средств, а то, что он не мог действовать свободно, не мог поступить так, как ему хотелось. Тимофеев не пользовался расположением Шуйского, и для последнего, вероятно, был нежелателен его приезд в Москву, особенно если учитывать близость Тимофеева к М. В. Скопину-Шуйскому. Между неожиданной смертью Скопина-Шуйского в Москве в апреле 1610 г. и затруднениями, с которыми столкнулся Тимофеев, желавший примерно в то же самое время попасть в Москву, по-видимому, есть какая-то внутренняя связь. Молва называла виновником смерти Скопина брата царя — Д. И. Шуйского. ³⁰ Не царь ли Василий Шуйский помешал въезду в Москву Тимофеева, подозреваемого в том, что он слишком тесно связан с М. В. Скопиным-Шуйским?

«Временник» Тимофеева полон восторженных отзывов о Скопине. Тимофеев противопоставляет последнего как храброго и инициативного полководца безвольному Василию Шуйскому. Царь Василий не мог противостоять напору тушинцев на Москву, а Скопин-Шуйский освободил столицу от тушинской осады и самого царя выпустил как птицу из клетки. ³¹ Сравнивая Скопина с Татищевым, Тимофеев замечает, что хотя у них и было одно имя, но первый отличался от второго как свет от тьмы. ³²

Близость Тимофеева к М. В. Скопину-Шуйскому подтверждается материалом одного судебного дела, относящегося к апрелю 1611 г. и хранящегося в Стокгольмском государственном архиве. Из этого дела видно также, что среди лиц, стоявших у власти в Новгороде, была группа, враждебная Тимофееву и стремившаяся его скомпрометировать. Это, очевидно, сторонники убитого М. И. Татищева.

В апреле 1611 г. гость Степан Иголкин заявил в Новгороде боярину И. Н. Большому Одоевскому и дьякам Корнилу Иевлеву и Семейке Самсонову, что, когда в результате новгородского восстания погиб М. И. Татищев, ему, С. Иголкину, поручили быть вместе с И. Тимофеевым «у переписки и у оценки» оставшихся после убитого «опальных животов». Среди них имелись две иконы — «образ Спасов да образ Николы, обложены золотом ... и украшены жемчюги и камнем дорогим». При переписи «рухляди» М. И. Татищева дьяк Иван Тимофеев «тех образов смотреть не давал неведомо для чево». В 1611 г. Степану Иголкину было поручено «считать дьяка Петра Третьякова в приходе и в росходе»; во время этой ревизии он ознакомился с книгами, в которых были описаны «образы окладные и неокладные» М. И. Татищева, и установил, что в указанной описи образа Спаса и Николы чудотворца отсутствуют.

Иван Тимофеев, допрошенный по заявлению С. Иголкина, показал: «приказал де ему переписывать ... опальную рухлядь» М. И. Татищева боярин и воевода князь М. В. Скопин-Шуйский; вместе с Тимофеевым «у той переписи были гость Степан Иголкин и иные торговые люди»:

²⁸ Временник Ивана Тимофеева, стр. 114.

²⁹ Там же, стр. 288.

³⁰ Там же, стр. 135, 312.

³¹ Там же, стр. 136, 313.

³² Там же, стр. 135, 311.

среди описываемой «рухляди» имелись и образа Спаса и Николая чудотворца, отданные, по распоряжению М. В. Скопина-Шуйского, софийскому протопопу Амосу, по словам которого М. И. Татищев «был ему сын духовной, и те де образы приказал ему при себе по своей душе и по своих родителех».

Был допрошен и протопоп Амос. По его словам, М. В. Скопин-Шуйский дал ему оба образа, «поедучи из Новагорода», а затем прислал ему с дороги, из Александровой слободы, записку, в которой требовал возвращения образов, и протопоп «те образы послал к нему с человеком своим с Феткою».

По ознакомлении с «грамотой» М. В. Скопина-Шуйского протопопу Амосу воевода И. Н. Большой Одоевский и дьяки установили, что там содержалась просьба о присылке «рухляди». Поэтому они выразили сомнения, действительно ли имелись в виду в письме Скопина образа: «и в той грамоте про те образы не объявилось ничево, а написано в грамоте о рухляди, и толко б те образы были посланы к боярину ко князю Михайлу Васильевичу, и о тех бы образех отписано было имянно, потому что то вещи царственные, а не простое дело и не рухлядь».

По предписанию воеводы и дьяков на дворе протопопа Амоса, в присутствии торговых людей и уличких старост, был произведен обыск, во время которого обнаружены образа Спаса и Николая чудотворца. После этого протопоп Амос заявил: «в том он виноват, что он в тех образех записался сперва, про те образы не сказал правды, а не сказал деи потому, что хотел те образы вести к Москве ко государю, ково нам государя бог пожалует».

Согласно приговору, вынесенному по делу дьяка Ивана Тимофеева и протопопа Амоса, они были признаны виновными в утайке образов. В частности, Тимофеев обвинялся в том, что при переписи имущества М. И. Татищева «он гостю Степану Иголкину и торговым людем тех образов не показывал, а сказал, что тех образов смотрити ненадобно, те де образы царственные вещи, и показать де их не уметь». В приговоре высказывалось недоверие к утверждению Тимофеева о том, что он отдал образа протопопу Амосу по распоряжению М. В. Скопина-Шуйского, так как «пометы боярина князя Михайла Васильевича о тех образех об отдаче не сыскано, а боярин князь Михайло Васильевич и не в таких великих делах на челобитных помечал своею рукою». Было решено доправить на И. Тимофеева и протопопе Амосе «против тех образов цены по сту по семидесят по три рубли и по дватцати по пяти алтын». Дьяк и протопоп были даны «на крепкие поруки з записми, что им в тех пенных денгах ставитца на правезе», а образы решили «поставити в церкви в Софеи премудрости божи до указу».³³

В рассмотренном деле очень много интересного. Оно свидетельствует о близости М. В. Скопина-Шуйского к Тимофееву и протопопу Амосу. Не случайно через Тимофеева Скопин передает образа протопопу, а затем уже, уехав из Новгорода к Москве, осведомляет Амоса о себе и о своих делах. «Грамота» Скопина Амосу 1610 г. написана в дружественном, интимном тоне: «Господину протопопу Амосу Ивановичю Михайло Шуйской челом бьет. Пожалуй, господине, вели ко мне писати о своем здорovie, как тебя бог милует. А похочешь ведати про меня, и я в Олександровской слободе ноябр» по 21 день жив. Да что ты, господине, прислал ко мне мои рухляди с Онтоном с Выповским, и ту мою рухлядь Онтон ко мне привез всю сполна. А я тебе, господину своему, челом бью». Через Амоса, ве-

³³ Стокгольмский государственный архив, Новгородский фонд, слб. 202.

роятно, Скопин-Шуйский поддерживал связь и с Тимофеевым, держал его в курсе своего похода.

В апреле 1611 г. противники И. Тимофеева, вероятно, как уже говорилось выше, из числа лиц, когда-то связанных с М. И. Татищевым, свели с дьяком свои счеты, предъявив ему обвинение в преступлении, бывшем на грани хищения и проступка, свидетельствующего о политической неблагонадежности. Впоследствии сам Тимофеев рассказывал, что его привлекли к ответу по челобитью И. Н. Большого Одоевского, а дело велось дьяками Корнилом Иевлевым и Семейкой Самсоновым, которые «ему были недрузи».³⁴

Указание в деле на то, что «те де образы царственные вещи», заявление протопопа Амоса, что он «хотел те образы вести к Москве ко государю, ково нам государя бог даст», — все это свидетельствует о каких-то политических планах, возможно, объединявших Скопина, Тимофеева, Амоса, — планах, очевидно, враждебных В. Шуйскому. Вероятно, в глазах и Тимофеева, и Амоса М. В. Скопин-Шуйский в 1610 г. рассматривался как кандидат на царский престол.

Но почему дело о Тимофееве и утаенных им образах было поднято в 1611 г., через год после смерти Скопина, когда вопрос о нем как возможном претенденте на занятие трона уже утратил свою актуальность? По всей вероятности, попытка скомпрометировать Тимофеева стоит в какой-то связи с политической борьбой, происходившей в Новгороде в это время. 2 июня 1611 г. в Новгороде был получен приговор первого Ополчения об избрании в русские цари шведского королевича, сына короля Карла IX.³⁵ Тимофеев, судя по всему, не был сторонником идеи водворения на русском престоле в качестве правителя представителя другой страны и чужой династии. Он был глубоко опечален «вселением во царство насилования главоохлехных и во стране земля Новоградская от немотующих Фриг таковожде».³⁶ В то же время гость Степан Иголкин, выдвинувший в апреле 1611 г. (еще до того времени, когда было получено решение Ополчения об избрании шведского королевича) обвинение против Тимофеева, в дальнейшем, в декабре 1611 г., был послан (в составе новгородского посольства) в Швецию для переговоров по вопросу о занятии шведским королевичем русского трона.³⁷ С ним же вместе отправился и подьячий Петр Третьяков. А дело, возбужденное против Тимофеева, началось с того, что в книгах П. Третьякова были обнаружены образа Михаила Татищева, затем попавшие (якобы через Тимофеева) к протопопу Амосу. Расстановка сил как будто ясная. С одной стороны, сторонники, с другой — противники признания власти шведского правителя. В этой связи приобретает и особый смысл заявление Амоса о желании вести находившиеся у него образа в Москву для передачи их «государю, ково нам бог пожалует». Имеется в виду, по всей видимости, русский царь, говоря словами Тимофеева, «одушевленный по всему образу божию властию и страхом, богоприставленный нам во всей жизни во утвержение и управленне обще наше».³⁸

³⁴ Там же, стлб. 55.

³⁵ Г. А. Замятин. К вопросу об избрании Карла-Филиппа на русский престол (1611—1616 гг.) Юрьев, 1913, стр. 8—11; И. С. Шепелев. Шведская интервенция в России в 1610—1611 гг. и отношение к ней первого земского ополчения. — Сборник научных трудов Пятигорского государственного педагогического института, вып. IV, Кафедра общественных наук, 1949, стр. 194.

³⁶ Временник Ивана Тимофеева, стр. 162, 340.

³⁷ ДАИ, т. I, стр. 283—285, № 162; Г. А. Замятин. К вопросу об избрании Карла-Филиппа на русский престол (1611—1616 гг.), стр. 21—23.

³⁸ Временник Ивана Тимофеева, стр. 106, 279.

Какова же дальнейшая судьба Тимофеева? Уже с 1610 г., в условиях иностранной интервенции в России, находившийся в Новгороде Тимофеев был отрезан от Москвы. Рассказывая о свержении и пленении Василия Шуйского, Тимофеев оговаривается, что он не был достаточно осведомлен об этих фактах («о всех сих быхом зде от плена яко во мраце внутри стен неведени затворени») и излагает их по слухам, доходившим до него случайно, как бы по воздуху через стены («яко по аеру чрез забрала»).³⁹ При описании событий, связанных с походом Скопина-Шуйского из Новгорода в Москву, Тимофеев также замечает: «о них же, иже тамо бывших, мы зде затворении ясне подробну к сказанию не доволени».⁴⁰

Изоляция Тимофеева усугубилась тем, что в июле 1611 г. Новгород был захвачен шведскими войсками. Находившийся в Новгороде с апреля 1611 г. для переговоров со шведами присланный из-под Москвы воевода В. И. Бутурлин бежал, бросив город.⁴¹ Рассказывая во «Временнике» о своем новгородском «пленении», Тимофеев образно говорит, что вследствие шведской оккупации его нога увязла в Новгороде, как в сети; господство иноземцев давило его, как обвиняемая вокруг шеи железная цепь, служившая преградой на пути к освобождению.⁴²

Как известно, шведские интервенты, захватив Новгород, оформили 25 июля договор с новгородскими властями, сдавшими город неприятелю. Согласно договору, «Новгородское государство» переходило под покровительство шведского короля, который должен был прислать в качестве царя на Русь одного из своих сыновей — Густава-Адольфа или Карла-Филиппа. В качестве участников договора с русской стороны в его тексте были названы митрополит Исидор, архимандриты, игумены, боярин и воевода князь И. Н. Большой Одоевский, бояре, дворяне, дьяки, дети боярские, стрелецкие и казацкие головы и атаманы, казаки, стрельцы, различные ратные люди, гости и пятиконецкие старосты, разные торговые люди, иногородние и иноземные купцы. Условно в договоре ставился вопрос о переходе под власть Швеции не только Новгорода, но и всего Русского («Владимирского и Московского») государства.⁴³ Хотя новгородские власти и ссылались на то, что договор со Швецией составлен от лица широких слоев новгородского общества, в действительности его оформление было делом незначительной группы лиц, стоявших во главе управления Новгородом. Народные массы не были довольны действиями своих властей и вели борьбу со шведскими оккупантами (главным образом в форме широкого партизанского движения).

Во «Временнике» имеются некоторые сведения о позиции, занятой И. Тимофеевым ко времени вступления шведов в Новгород. П. Г. Васенко убедительно доказал, что имеющийся во «Временнике» текст, озаглавленный «О крестном целовании королевичю Владиславу», в действительности посвящен событиям в Новгороде накануне и в период занятия его шведами.⁴⁴ Само изложение ведется от лица Новгорода. В тексте говорится, что в момент пленения города «еллинами» (шведами) «неким самопис-

³⁹ Там же, стр. 106, 279.

⁴⁰ Там же, стр. 103.

⁴¹ И. С. Шепелев. Шведская интервенция в России в 1610—1611 г. ..., стр. 185, Г. А. Замятин. К вопросу об избрании Карла-Филиппа на русский престол (1611—1616 гг.), стр. 18.

⁴² Временник Ивана Тимофеева, стр. 114—115, 288.

⁴³ Арсеньевские шведские бумаги 1611—1615 гг. — Сборник Новгородского общества любителей древностей, вып. V. Новгород, 1911, стр. 3—11; СГД, т. II, М., 1819, стр. 553—563, № 264.

⁴⁴ П. Г. Васенко. Дьяк Иван Тимофеев, автор «Временника», стр. 89—90, прим. 2.

чием» (ему же имя «благодать», т. е. Иоанн), по поручению святителя и первого вельможи, было составлено «написание в хартиях» «к инославным ... клятвам». Речь, вероятно, идет о написании дьяком Иваном Тимофеевым, по поручению митрополита Исидора и боярина князя И. Н. Одоевского, какого-то проекта новгородско-шведского договора. «Написание в хартиях» Тимофеева было весьма «благословно» и «полезно» для новгородцев, но два «властолюбца», желая угодить «варварам» и тем упрочить свое положение, добиться «тленных благ», уничтожили его письмо, составив другое, по «хотению» врагов.⁴⁵

Участие Тимофеева в составлении чернового проекта новгородско-шведского договора весьма возможно. Такого рода черновые проекты существовали, и один из них (неизвестно кем составленный) дошел до нас.⁴⁶ Он найден «на полатях св. Софии», т. е. в резиденции новгородского митрополита, и, следовательно, имеет какое-то отношение к деятельности последнего. А судя по рассказу Тимофеева, его «написание в хартиях» было подготовлено согласно указанию новгородского митрополита Исидора. Правда, Тимофеев говорит об уничтожении этого «написания» двумя «властолюбцами», но речь идет, очевидно, лишь о том, что его тексту не был придан характер официального документа, отражающего точку зрения новгородских властей. Черновая же запись могла и уцелеть. Может быть, данная запись принадлежит Тимофееву?

Конечно, это лишь гипотеза, которая никак не может быть доказана и на которой вряд ли следует особенно и настаивать. Но несомненно, что указанный черновик отражал интересы каких-то широких, патриотически настроенных слоев новгородского общества, хотя и вынужденных принять в Новгород шведскую военную силу, но не желавших упрочения шведского господства и стремившихся лишь использовать шведов в борьбе с польско-литовскими интервентами. Такую же позицию лишь вынужденного признания «иноверных», в угоду которым, однако, не должны быть преданы национальные интересы, занимал, судя по высказываниям во «Временнике», и Тимофеев.

Сравнивая текст новгородско-шведского договора 25 июля 1611 г. с вышеуказанным черновым проектом, мы можем сразу уловить существенные между ними расхождения в условиях. В первом документе шведские интервенты диктуют новгородцам свою волю. В нем говорится, что «по божескому провидению и согласию могущественного и высокороденного короля Карла» главный военачальник фельдмаршал Я. П. Делагарди «взял штурмом крепость вместе с городом (Новгородом, — Л. Ч.) и хотел даже завоевать каменную крепость (Кремль, — Л. Ч.)», но «ради спасения христиан, дабы не проливать более христианской крови», пошел на уступки новгородцам, согласившимся предаться покровительству «Шведской короны». Далее в тексте идет пункт, по которому русским царем должен стать один из сыновей шведского короля Карла IX, а «всякого рода русские люди» согласны перейти под «управление» «Шведской короны».⁴⁷

Ничего подобного нет в черновом проекте. Там речь идет лишь о союзе («соединенье») «Московского и Новгородского государств» со «Свейским государством», о совместной борьбе «против польских и литовских людей» и об уступке Новгородом Швеции «за почесть» Заонежских поговостов.⁴⁸

⁴⁵ Временник Ивана Тимофеева, стр. 153—154, 331—332.

⁴⁶ ААЭ, т. II, стр. 317—318, № 187.

⁴⁷ Арсеньевские шведские бумаги 1611—1615 гг., стр. 3—4

⁴⁸ ААЭ, т. II, стр. 317—318.

Следствием захвата шведами Новгорода, по словам Тимофеева, было разорение церквей и обителей, расхищение городской казны и имущества жителей, выколачивание на правееже из новгородцев денег, увоз в Швецию всех артиллерийских орудий, посредством которых оборонялся город. Все, что пишет Тимофеев, подтверждается документальным материалом.⁴⁹

Описывая во «Временнике» годы господства в Новгороде шведских интервентов (1611—1616 гг.), Тимофеев указывает, что в это время далеко не всем русским людям жилось одинаково («не бяху же во всех равнии вси иже в плену объята»). Одни нищенствовали, другие упивались богатством, и «бысть им таковой плен лучши свободнаго всяко жития». Бедность бедняков резко контрастировала с румянцем на лицах разбогатевших при шведах людей. Между теми и другими не было ничего общего («несогласно же бяхе житие обоих и много имут между себе разстояние разньства»). Первые страдали от ига захватчиков. Вторые, приспешники интервентов, желали продолжения их господства. Тимофеев осуждает тех, кто действовал рука об руку с интервентами, пользовался их милостями. Люди, «душами же возжени и сердцы горяху приложением ко елином», — это изменники. Они творили раскол в обществе «за скорое суетия обогащение и своя чести» от шведов.⁵⁰

Во всех этих рассуждениях отразилось в значительной мере пережитое самим Тимофеевым. Это видно из некоторых документов, относящихся к Тимофееву. Сохранилась его челобитная на имя Я. П. Делагарди и И. Н. Большого Одоевского, поданная примерно через месяц после взятия шведами Новгорода, 25 декабря 1611 г. Челобитная эта еще не была использована в литературе, хотя на нее дана ссылка в исследовании С. Ф. Платонова.⁵¹ Тимофеев просил записать за ним его «человека крепостного» Ермачка, пропавшего «без вести» «в новгородское взятие», а затем вернувшегося обратно. «И чаял я тово своево человека в приступ убита», — пишет Тимофеев. Но оказалось, что Ермачка «збрел из Новгорода в новгородское взятие с оторопу с ыными людьми» в Ярославский уезд «ко племяни» и, между прочим, побывал в костромском поместье Тимофеева. Оказалось, что это поместье «отдано ис-под Москвы иному помещику». «И тово моево человека, — указывает Тимофеев в челобитной, — новой помещик выбил вон», после чего Ермачка «кормился по иным городом, а ко мне по ся места не шол, про меня проведывал, што жив ли я, и как про меня допряма проведал, што жив, и пришол ко мне назад в Новгород».⁵²

Из челобитной видно, что материальное положение Тимофеева после «новгородского взятия» было весьма неустойчивым. Лишившийся своего костромского поместья, он, как увидим ниже, не имел земельных владений и в Новгороде. Не ясно, занимал ли Тимофеев в это время какое-либо официальное служебное положение при шведском правительстве. В челобитной он не называет себя дьяком и не указывает на какую-либо иную должность, им исполняемую.

Следующая челобитная Тимофеева (сохранившаяся в новгородских делах Стокгольмского государственного архива) была подана Я. П. Дела-

⁴⁹ Временник Ивана Тимофеева, стр. 115, 288.

⁵⁰ Там же, стр. 120, 294—295.

⁵¹ С. Ф. Платонов Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века как исторический источник, стр. 448 прим. 10. — Благодаря любезности В. М. Панеяха я получил фотокопию с этой челобитной.

⁵² Архив ЛОИИ, Коллекция актов П. М. Строева, № 89. См. также М. Г. Курдюмов Описание актов, хранящихся в архиве Археографической комиссии Акты П. М. Строева. — ЛЗАК (1906), вып. XIX. СПб., 1908, стр. 171—172, № 89.

гарди и князю И. Н. Большому Одоевскому 24 июля 1614 г. Она составлена на имя номинального правителя «Новгородского государства», сына шведского короля Карла IX, «государя королевича и великого князя Карлуса Филиппа Карлусовича». В приказной выписке по этому делу Иван Тимофеев именуется дьяком. Называя себя в челобитной человеком «беспоместным, непожалованным», Тимофеев просил его «пожаловать рожью», оставшейся в поместье уехавшего из Новгорода Григория Павловича Загоскина, в деревне Родионове, «што сеял Григорей», а также что сеяли на земле названного помещика (из четвертого снопа) бобыли Никольского Островского монастыря.

Я. П. Делагарди и князь И. Н. Большой Одоевский, «выслушав диака Ивана Тимофеева челобитья, приговорили ему Ивану Григорьеву рожь, что сеяна к нынешнему ко 122-му году четыре чети, и з бобыльской, что сеяли бобыли Островского монастыря Степанко Иванов с товарищи ис четвертого снопа, для того, что он Иван не пожалован, а у государева дела сидит». Но затем это решение было изменено на основании челобитья Акиньи Михайловны Мякининой, утверждавшей, что бобыли Никольского Островского монастыря сеяли рожь на ее земле, а не на земле Г. П. Загоскина. По вторичном рассмотрении дела был вынесен приговор о передаче Тимофееву только ржи, посеянной Г. П. Загоскиным на четырех четвертях земли, бобыльская же рожь была отдана А. М. Мякининой.⁵³

Итак, в 1614 г. Иван Тимофеев находился на государственной службе в Новгороде при шведском правительстве. В своем «Временнике» Тимофеев с горечью говорит, что хотя он и другие русские люди, верные родине, во время шведской оккупации оставались на родной земле («еже на своеверне месте земля толико мучения пребыхом время»), но работать они должны были под игом чужеземцев («но работа чюжаго»)⁵⁴.

Материальное положение Тимофеева было тяжелым, и его никак нельзя причислить к лицам, «овы же в богатствах упиваются излишествующе, и бысть им таковой плен лучши свободного всяко жития, ибо в жизнь богаторадостну им ее бываше».⁵⁵

Политическое положение Новгорода было в это время не вполне определенным. В нем господствовали интервенты, но вопрос о верховном правителе не был решен. В 1611 г. умер шведский король Карл IX. Его сын и преемник Густав-Адольф вначале хотел сам занять русский престол, а затем решил предоставить его своему брату Карлу-Филиппу. В середине 1613 г. последний выехал в Россию и прибыл в Выборг, откуда вел переговоры с Москвой и Новгородом. После того как Карлу-Филиппу стало известно об избрании на русский престол Михаила Федоровича, он в начале 1614 г. уехал обратно в Швецию.

Тогда шведские власти в Новгороде снова подняли вопрос о присяге новгородцев королю Густаву-Адольфу. Их принуждали к этому фельдмаршал Делагарди, сменивший его в конце 1614 г. в Новгороде фельдмаршал Эверт Горн, секретарь Монс Мортенссон (Монша Мартынович).⁵⁶ Новгородцы в своей значительной части оказывали сопротивление. Ко второй половине 1614 г. относится челобитная Густаву-Адольфу от новгородского населения о непринуждении его к присяге, ввиду того что оно приносило ее брату короля Карлу-Филиппу. Челобитная составлена от имени митрополита Исидора, архимандритов, игуменов, протопопов, по-

⁵³ Стокгольмский государственный архив, Новгородский фонд, слб. 139.

⁵⁴ Временник Ивана Тимофеева, стр. 119—120.

⁵⁵ Там же, стр. 120.

⁵⁶ Г. А. Замятин. К вопросу об избрании Карла-Филиппа на русский престол (1611—1616 гг.), стр. 24—25, 32, 34, 35, 118, 124, 126—127, 131—135, 139.

пов, освященного собора, боярина и воеводы И. Н. Большого Одоевского, дворян, дьяков, детей боярских, приказных людей, гостей, пятиконецких старост, торговых посадских и всяких чинов жилецких людей. Челобитная подписана четырьмя дьяками, в том числе Иваном Тимофеевым.⁵⁷

В связи с общей политической обстановкой, сложившейся в Новгороде к 1615 г., надо рассматривать и новое судебное дело, возбужденное против Тимофеева в марте этого года и разбиравшееся Э. К. Горном и И. Н. Большим Одоевским. Его поднял дьяк Пятой Григорьев. Он указывал в своей челобитной, что в 1613—1614 гг. по приказу Я. П. Делагарди И. Тимофеев должен был запечатать в Дворцовом приказе «коробьи, и ящики, и ларцы, и сундуки с книгами и со всякими делы и з денгами» и «подьячих во всякой государеве казне счести». Тимофеев велел быть при себе «у щету» подьячему Н. Коптеву «и коробью его со всеми делами и з денгами взял с ним к себе ж». Когда Коптев закончил свою работу, Тимофеев отпустил его в деревню, где его захватили «псковские шиши и свели во Псков». После этого Пятой Григорьев велел проверить приходорасходные книги, которые велись Н. Коптевым, и обнаружил недостаток денег. Указывая в своей челобитной, что Н. Коптев «сидел» у И. Тимофеева, который его и «считал» и «в деревню ево отпустил», Пятой Григорьев просил привлечь Тимофеева к ответственности за растрату.

Вслед за тем Пятой Григорьев подал Э. К. Горну и И. Н. Большому Одоевскому новое «письмо», в котором назвал И. Тимофеева «ведомым вором», в свое время укравшим вместе с протопопом Амосом образа «из опальной... рухляди» М. И. Татищева, а также виновным в разном другом «воровстве» («да и многое ево Иванова воровство в государеве соболиной казне, и в опальных рухлядах, и в государевых в казенных денгах с подьячим со Жданом Медведевым вместе корыстовались и государевы денги меж себя делили, а денег у них меж ими изгибло государевых тысечи с полтрети, то он на себя не объявил, и те денги закрыл»).

Интересно, что, выдвинув ряд обвинений против Тимофеева, Пятой Григорьев вспомнил и про дело 1611 г., про которое он слышал, будучи «у гостя у Степана у Иголкина на подворье, как он Степан поехал в Свено».

По поводу этого дела И. Н. Одоевский, участвовавший в допросе И. Тимофеева в 1615 г., счел нужным довести до сведения Э. К. Горна, что в 1611 г. он начал разыскивать образа своего погибшего в Новгороде шурина М. И. Татищева и, когда эти образа были обнаружены у протопопы Амоса, «сослал» их «к шурьям своим к Москве». Что касается приговора по делу дьяка Тимофеева и протопопы Амоса, то «как де образы у протопопы сыскали, и он де князь Иван Никитич тот приговор и подрал, потому что он князь Иван Никитич был о тех образех челобитчик».

Решение по делу Тимофеева и Амоса 1611 г. было извлечено из «печатной коробьи», запечатанной печатью И. Н. Одоевского, прочитано и водворено обратно.

Про другие свои обвинения («про соболиную казну, и про опальные рухляди, и про денги про пол-3000 рублей») Пятой Григорьев сказал: «написал де он про те дела на Ивана Тимофеева, слыша от людей в розговорах, а он человек приезжей, те дела делались до него». Характерно, что некоторыми своими обвинениями Пятой Григорьев хотел скомпрометировать деятельность Тимофеева в бытность в Новгороде М. В. Скопина-Шуйского. Так, по поводу произведенной якобы растраты денег из государственной казны И. Тимофеевым последний показал: «был де в Новгороде в дияцех Ефим Телепнев да он Иван, и толко де будет Пятой Григорьев

⁵⁷ ДАИ, т II СПб, 1846, стр 43—47, № 21

называет воровством ту статью, что Ждан Медведев учинил при боярине и воеводе при князе Михайле Васильевиче Шуйском, и он де Иван про то скажет: ныне как де приехал в Великий Новгород боярин и воевода князь Михайло Васильевич, а с ним дьяк Сыдавной Васильев, и велели де им делати на приход и на расход свои книги, и подьячей де Ждан Медведев зделав книги, написал в те новые книги в приход и болши полутретых тысяч ноугородских доходов, а в прежних в приходных в больших книгах те денги в приходе написаны в розных статьях, колко в которой статье каких доходов взято, и про то де он Иван в счете в своем объявил, а не укрыв той статьи».

Приведя на допросах аргументы в пользу своей невинности в тех преступлениях, которые приписывал ему Пятой Григорьев, Иван Тимофеев подал встречную челобитную, обвиняя того в клевете. По словам Тимофеева, когда он произвел по поручению Я. П. Делагарди и И. Н. Большого Одоевского проверку документации, имевшейся в «Боярской избе» и Дворцовом приказе, то выявился «недочет ... государеве казне» и вскрылись «дьячьи и подьяческие наружные вины». Тогда дворцовый дьяк Пятой Григорьев, «рняся тому ... счету», «счетное дело хотя поставити, штоб их вины не объявились», подал на Тимофеева «письмо безделное», «которые на них прямые их вины у счету ныне сысканы». Ссылаясь на то, что за годы его многолетних служб «во многих приказах на Москве у великих дел и zde в Новгороде» «воровства ... никакова нигде не бывало», Тимофеев просил дать ему «управу» на Пятого Григорьева, с тем чтобы он «от такова без вины на старость в позоре обезчестен не был».⁵⁸

Предаваясь в своем «Временнике» воспоминаниям о годах, проведенных в «плену» в Новгороде, Тимофеев писал, что он боялся не только интервентов, «иже град враждебно, яко змиеве, своими зубы держащих», но и их единомышленников из числа русских людей («своеверных»), «иже приседят о нас тайно в ловителях ко еллином». Они действовали вместе со шведскими захватчиками против русских патриотов: «ловят бо и убивают, яко лев во ограде, сице они во дни и в нощи християном душа с телесы неповинныя».⁵⁹ Они были виновниками раскола в обществе («всяко в добрых расколы творяху»). Своя жизнь была для них дороже всего мира («свой живот вмениша паче всего мира»). Они допускали «лукавство» в отношении и «неверных», и «своеверных» и, таким образом, хромали на обе ноги («на обе ноги храмлюще»)⁶⁰.

Говоря о подобных двурушниках и изменниках своего народа, Тимофеев, конечно, имел в виду и Пятого Григорьева. Последний возбудил дело против Тимофеева в тот период, когда в Новгороде все усиливалось недовольство действиями шведов. В апреле 1615 г. (т. е. почти одновременно с делом Тимофеева) Э. К. Горн доносил «из Новгородского кремля» в Швецию королю Густаву-Адольфу об антишведских настроениях новгородцев. Горн указывал в своем донесении: я требовал «от них присяги, какую желает Ваше королевское величество, чтобы Ваше королевское величество еще более могло быть обеспечено насчет их верности. Но большая часть поет свою старую песню, ссылаясь на устное обещание Вашего королевского величества, что кто не хочет быть под защитой Вашего королевского величества и не хочет добровольно присягнуть Вашему королевскому величеству, те могут уехать, куда пожелают: ссылаются и на многое другое».⁶¹ Правда, некоторых новгородских людей шведские интервенты

⁵⁸ Стокгольмский государственный архив Новгородский фонд, слоб 55.

⁵⁹ Временник Ивана Тимофеева, стр 119, 293.

⁶⁰ Там же, стр 120, 294

⁶¹ Арсеневские шведские бумаги 1611—1615 гг., стр 48.

«на королевское имя х крестному целованью прельстили», «обещаючи им от короля лготу и денги и золотые».⁶² Но в отношении наиболее непримиримых Горн прибегал к репрессиям и несколько человек, казавшихся наиболее опасными, выслал в Финляндию и Швецию.⁶³

И. Тимофеев принадлежал, судя по всему, к числу людей, не мирившихся со шведским господством, хотя и действовавших в условиях интервенции весьма осторожно. Пятой Григорьев, напротив, был одним из близких к шведским властям лиц, выполнявших ряд их ответственных поручений по сбору налогов с населения и т. д. Его имя постоянно встречается в документах Новгородского архива, относящихся ко времени шведской оккупации Новгорода. Возможно, действовавший нечестно в обращении с попадавшими в его руки казенными денежными средствами, жаждавший на сборах с населения, он испугался ревизии, проводившейся Тимофеевым, и возбудил против него дело с целью его скомпрометировать.

Но, принимая во внимание, что ревизия началась давно, еще в 1613 или в 1614 г., а изветная челобитная Пятого Григорьева относится к марту 1615 г., можно думать, что дело, начатое Пятым Григорьевым против Тимофеева, имело не только узко личные мотивы, а ставило цель его широкой общественно-политической компрометации. Дело Тимофеева вел Э. К. Горн, весьма раздраженный тем, что его попытки добиться присяги от населения на имя Густава-Адольфа не удаются, и искавший виновных. В отношении Тимофеева собрали все обвинения, какие только можно было выкопать. Вспомнили и дело 1611 г., и все распространявшиеся о нем слухи. Чисто политический акцент имело обвинение Пятым Григорьевым Тимофеева в том, что он отпустил подьячего Н. Коптева в деревню, а тот попал в руки псковских «шишей». Тем самым как бы устанавливалась незримая связь самого Тимофеева с «шишами», ведшими партизанскую национально-освободительную борьбу против шведских интервентов.

Следует отметить еще одно обстоятельство. Тимофеев был известен не только в Новгороде, но и в Москве. В феврале 1615 г. в письме Э. К. Горну Джона Мерика (английского дипломатического агента в Москве, бывшего посредником в русско-шведских переговорах) был поставлен вопрос о разрешении вернуться в Москву из Новгорода ряду лиц, в том числе и И. Тимофееву с дочерью.⁶⁴ Письмо Мерика, как указано, датировано февралем 1615 г., а дело по обвинению Тимофеева в разных неблагоприятных поступках разбиралось в Новгороде в марте 1615 г. Нет ли здесь внутренней связи? Может быть, шведские власти боялись отпустить Тимофеева в Москву и старались его опорочить.

В этой связи интересно поднять вопрос: кто эти два «властолюбца», два «тайнотворца», заменившие в свое время «написание в хартиях», т. е. черновой проект новгородско-шведского договора, составленный Тимофеевым, другим текстом, отвечавшим интересам врагов. О. А. Державина считает, что речь идет о М. И. Татищеве и дьяке Е. Телепневе.⁶⁵ Это явно невозможно. Татищева к моменту взятия Новгорода шведами в 1611 г. уже не было в живых. Более вероятно предположение, что Тимофеев имеет в виду дьяков Корнила Иевлева и Семейку Самсонова, которых он называет своими «недругами». Но и данное предположение не подтверждается материалом. Тимофеев говорит, что два «властолюбца», заменившие его

⁶² Г. А. Замятин. К вопросу об избрании Карла-Филиппа на русский престол (1611—1616 гг.), стр. 131.

⁶³ Там же, стр. 139.

⁶⁴ Арсеньевские бумаги 1614—1616 гг. — Сборник Новгородского общества любителей древности, вып. VI. Новгород, 1915, стр. 13.

⁶⁵ Временник Ивана Тимофеева, стр. 502, прим. 337.

грамоту своею, стали союзниками шведов («враг моих⁶⁶ скорый слагатан и стаинники»), они господствовали в Новгороде беспрерывно в течение шведской интервенции («утвержени без изменения и всяко непремеяеми»), власть их была не меньше власти шведских захватчиков, и они беспрепятственно делали все, что хотели («со враги моими купно во всех мноу згосподствуют, не возбраняеми»).⁶⁷ Под эту характеристику вполне подходят два дьяка: Пятой Григорьев и Семен Лутохин, обладавшие большой полнотой власти в период оккупации Новгорода шведами. Пятой Григорьев в 1615 г. занял активно враждебную позицию в отношении Тимофеева, отличавшегося от него по своим политическим убеждениям и поведению.

Любопытно, как вел себя в деле Тимофеева в 1615 г. князь Большой И. Н. Одоевский. Он явно старался не дать делу хода и по собственной инициативе заявил Э. К. Горну, что обвинения, выдвинутые против Тимофеева в 1611 г., отпали. Такое поведение Одоевского объясняется, конечно, тем, что он понимал, что положение шведов на Руси становится все более шатким и их господство недолговечно. Поэтому он не соглашался и на призыву Густаву-Адольфу.

Возможно, что организованное в 1615 г. дело Тимофеева явилось для Э. К. Горна поводом к отказу в просьбе русского правительства (адресованной через Джона Мерика) отпустить Тимофеева в Москву. Правда, в нашем распоряжении нет никаких сведений о том, как реагировал Горн на письмо Мерика. Но в конце «Временника» имеется загадочная фраза: автор не мог осуществить свою мечту и выбраться из шведского плена в Новгороде («в Новеграде Велицем в тожде междуосбие земное всеградно еллини заплениени быхом, со убегшими же оттуда во иже всего царствия в матере городов угонзнути не возмогохом, богу хотимое нами не соблагволящу»).⁶⁸ Нет ли в этих словах намек на дело 1615 г., организованное с тем, чтобы не отпустить Тимофея из Новгорода?

Судьба И. Тимофеева после окончания шведской интервенции достаточно выяснена С. Ф. Платоновым. В 1618—1620 гг. он был дьяком в Астрахани,⁶⁹ в 1622—1626 гг. — в Ярославле,⁷⁰ в 1626—1628 гг. — в Нижнем Новгороде.⁷¹

Год смерти Тимофеева неизвестен. В 1628 г. он был еще жив (так как его имя фигурирует в боярской книге 7137 г., т. е. 1628/29 г.).⁷² В боярской книге 7144 г. (1635/36 г.) Тимофеев уже не значится.⁷³ Отсюда С. Ф. Платонов делает вывод, что к указанному времени Тимофеев уже умер.

⁶⁶ Речь идет от лица Новгорода.

⁶⁷ Временник Ивана Тимофеева, стр. 153—154, 321—322.

⁶⁸ Там же, стр. 163, 342.

⁶⁹ Дворцовые разряды, т. I. СПб., 1850, стр. 349, 426, 459 (данные о Тимофееве в Астрахани за 7126—7128 гг.); Книги разрядные по официальным онуч спискам, т. I. СПб., 1853, стр. 544, 663, 720 (те же данные 7126—7128 гг.).

⁷⁰ Книги разрядные... т. I, стр. 868, 923, 1033, 1139, 1245 (данные о Тимофееве в Ярославле 7130—7134 гг.); Дворцовые разряды, т. I, стр. 739 (те же данные 7133 г.).

⁷¹ Книги разрядные... т. I, стр. 1218 (7134 г.); т. II, СПб., 1855, стр. 62 (7136 г.); РИБ, т. II. СПб., 1875, стр. 990, № 223; т. IX, СПб., 1884, стр. 455; Нижегородский летописец. Работа А. С. Гацисского. Нижний Новгород, 1886, стр. 54. (Данные о Тимофееве в Нижнем Новгороде в 7134—7136 гг.)

⁷² Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах, хранящихся в 1-м отделении Московского архива Министерства юстиции. М., 1853, стр. 410.

⁷³ С. Ф. Платонов. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века как исторический источник, стр. 166.

*

Новые документы Стокгольмского государственного архива интересны не только потому, что они пополняют наши сведения о биографии И. Тимофеева и помогают лучше понять некоторые высказывания дьяка в его «Временнике», но и потому, что они могут дать дополнительный материал для палеографического анализа рукописи «Временника».

Рукопись «Временника»⁷⁴ написана несколькими почерками: по мнению С. Ф. Платонова — пятью,⁷⁵ по мнению О. А. Державиной — шестью.⁷⁶ Шестой почерк близок ко второму. В силу этой близости между отдельными исследователями и имеются расхождения по вопросу о том, можно ли или нельзя их приписать одному лицу.

И. И. Полосин (вслед за С. Ф. Платоновым) считал, что редактором «Временника» (в сохранившемся списке) был сам Тимофеев, правивший текст дошедшей до нас рукописи.⁷⁷ Это отрицает О. А. Державина. Ее аргументы палеографического характера следующие: 1) филигранные бумаги, на которой написана большая часть «Временника», ведут к 30-м годам XVII в., а некоторые листы бумаги еще более позднего происхождения (филигрань — шут с пятью бубенцами датируется 60-ми годами XVII в.); 2) ни один из почерков, какими написана рукопись «Временника», не совпадает с записью на листе книги десятиен по городу Епифани, которую О. А. Державина считает автографом Тимофеева.

О. А. Державина так представляет себе историю сохранившейся рукописи «Временника». Она была переписана уже после смерти Ивана Тимофеева, в 30-х годах XVII в., с более раннего списка. Переплетена рукопись не была, и тетради сохранялись в разрозненном виде. Некоторые тетради и листы с течением времени пропали, и их пришлось восстанавливать заново. Такое восстановление было произведено в конце 50—начале 60-х годов XVII в., когда с какого-то неизвестного нам списка были вновь переписаны лл. 18—40, 47, 58, 61 (по установившейся в литературе традиции почерк этих листов называется вторым почерком, и как раз на этих листах имеется более поздняя филигрань — шут с пятью бубенцами).

Как полагает О. А. Державина, обращение в 50—60-х годах XVII в. к труду Тимофеева было вызвано тем, что в это время (с 1657 г.) по правительственному поручению велись работы по составлению новой «Степенной книги» и поэтому шли поиски трудов, какие можно было бы использовать в качестве ее источников. В частности, вспомнили и о «Временнике» Тимофеева. О нем говорили гость Матвей Васильев и «купчина» Герасим Дьяков, указывая на то, что списки «Временника» можно найти у князей И. А. Воротынского и А. М. Львова.⁷⁸ Эти данные, считает Державина, объясняют, «каким образом мог быть восстановлен писцом с почерком 2 текст утерянных листов и тетрадей»⁷⁹ «Временника».

Все, что пишет О. А. Державина, весьма правдоподобно. Дают ли что-нибудь для решения поставленной ею проблемы новые документы о Тимофееве? Думаю, что две челобитных Тимофеева из Стокгольмского Государственного архива, а также челобитную из архива ЛОИИ привлечь для изучения этого вопроса следует.

⁷⁴ ГБЛ, № М3737

⁷⁵ Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени, изд. 2 СПб, 1909, стр. XVI—XVII (РИБ, вып. XIII).

⁷⁶ Временчик Ивана Тимофеева, стр. 418—428

⁷⁷ И. И. Полосин Иван Тимофеев — русский мыслитель и дьяк XVII века, стр. 151.

⁷⁸ С. А. Белокуров О Записном приказе — Сборник «Из духовной жизни московского общества XVII века» М., 1903, стр. 62—63

⁷⁹ Временник Ивана Тимофеева, стр. 445—446.

Прежде всего важно установить, представляют ли собой все эти три челобитных (или какие-то из них) автограф Ивана Тимофеева? Почерк первой (по времени) челобитной 1613 г. (из архива ЛОИИ) имеет известное внешнее сходство по своей общей структуре с почерком подписи и заметок Ивана Тимофеева на книге десятиен по городу Елифани 1605 г., считающихся его автографом. Однако, даже принимая во внимание длительный срок (восемь лет), разделяющий два документа (а за этот срок человеческий почерк, несомненно, меняется), никак нельзя предполагать, что документы написаны одним лицом. Бросается в глаза и различие в манере подписываться. Поэтому нельзя признать челобитную 1613 г. автографом Тимофеева.

Очень близки по манере письма челобитные Тимофеева 1614 и 1615 гг. (из Стокгольмского государственного архива). По-видимому, они написаны одним почерком. А это делает весьма заманчивым предположение, что перед нами в обоих случаях автограф Ивана Тимофеева. Но почерк челобитных совсем расходится с почерком заметок на листах книги десятиен по городу Елифани 1605 г. А измениться столь существенно почерк не мог даже за десять лет. Значит, что-либо одно: или неверно предположение О. А. Державиной о том, что заметки на книге десятиен сделаны Тимофеевым, или надо признать, что челобитные 1614 и 1615 гг. написаны не Тимофеевым. Вероятно, правильное второй вывод. Перед нами и в данном случае не автограф Тимофеева.

Сличая почерк челобитных 1614 и 1615 гг. с почерками «Временника», замечаем известное сходство по манере письма между челобитными и вторым почерком «Временника». В данном случае расхождения могут быть вполне объяснены длительностью срока, разделяющего оба памятника.

Но как объяснить это сходство? Ведь почерк второй «Временника» — самый поздний по времени. Им написан текст на бумаге с филигранью 60-х годов. Ясно, что даже если признать, что челобитные 1614 и 1615 гг. — автограф Тимофеева (что маловероятно), то никак нельзя допустить, что ему же принадлежит почерк второй «Временника». Вряд ли можно думать, что Тимофеев, который уже во времена Бориса Годунова был дьяком, дожил до 60-х годов XVII в.

Но, может быть, заслуживают внимания два других предположения: первое менее вероятное, второе более вероятное. Я уже говорил, что вряд ли челобитные 1614 и 1615 гг. — автограф Тимофеева. Но если признать их за автограф, то тогда можно допустить, что текст «Временника», написанный вторым почерком, скопирован с текста, сделанного рукою Тимофеева, причем переписчик 60-х годов XVII в. ставил своей задачей не только скопировать оригинал, но и передать манеру письма автора. Повторяю, эта гипотеза не кажется мне особенно удачной. Но отметить такую возможность следует.

Более вероятно другое. Не принадлежит ли почерк второй «Временника» кому-либо из лиц, близких Тимофееву, бывших с ним в Новгороде во время интервенции и писавших от его имени челобитные в 1614 и 1615 гг.? Если это так, тогда станут понятными и некоторые общие черты, имеющиеся в манере письма челобитных и текста «Временника», написанного почерком вторым, и разница в письме, объясняемая изменением почерка писца за весьма большой промежуток времени.

Можно ли думать, что в конце 50-х годов XVII в., когда был поставлен вопрос о составлении новой «Степенной книги», лица, ведавшие этим делом, заинтересовались не только трудом Тимофеева, но и теми, кто вместе с дьяком был в Новгороде, где он писал свой «Временник»? По-моему, это вполне вероятно, если принять во внимание, что Записной

приказ стал работать с 1657 г., а с 1656 г. началась русско-шведская война. Конечно, в эти годы было особенно уместно вспомнить о времени шведской интервенции в Россию, о Тимофееве, который много писал о ее тяжелых последствиях, и постараться найти современников и сподвижников знаменитого дьяка.

Таковы некоторые соображения палеографического и исторического характера по поводу новых документов, относящихся к Тимофееву.

Русские рукописные сборники из собрания И. Г. Спарвенфельда

В рукописном собрании гимназии в г. Вестеросе сохранились четыре сборника на русском языке, принадлежавшие известному шведскому ученому XVII в. Иоганну Габриелю Спарвенфельду.

Спарвенфельд родился в 1655 г. в семье военного, получившего дворянское звание. Он учился в Упсальском университете, где занимался вопросами филологии, истории, права. В 1677—1682 гг. Спарвенфельд совершил ряд путешествий за границу, побывал в Норвегии, Нидерландах, Франции, Италии, Англии, Дании, работал в зарубежных библиотеках и архивах, изучал иностранные языки. По свидетельству современников, уже в это время Спарвенфельд хорошо знал русский язык.

По возвращении в конце 1682 г. в Стокгольм Спарвенфельд стал работать в Королевском архиве.

В 1684 г. Спарвенфельд отправился в Москву в составе шведского посольства во главе с Конрадом Гюлленшерном, Ионасом Клингштедтом и Отто Штакельбергом. Сохранился дневник путешествия Спарвенфельда в Россию с описанием Гельсингфорса, Нарвы, Ивангорода, Новгорода, Валдайского монастыря и т. д.

Вначале Спарвенфельд предполагал вернуться в Швецию вместе с посольством через полгода. Но затем он попросил разрешения остаться в России для дальнейшего изучения русского языка и истории. Сохранилась его переписка по этому поводу со шведским правительством. Во время своего пребывания в России Спарвенфельд переписывался с начальником Канцелярии иностранных дел Швеции Б. Оксеншерном и шведским резидентом в Париже И. Пальмквистом.

В России Спарвенфельд пробыл три года, проживая главным образом в Москве, но совершая поездки и в различные районы страны. В частности, вместе с Р. Бутенантом он побывал на тульском металлургическом заводе Марселеса. О жизни Спарвенфельда в это время можно судить по его письмам и дневнику.

В России Спарвенфельд поддерживал сношения с жившими там в его время иностранцами: датским посланником К. фон Горном, голландским резидентом И. В. Келлером, лейб-медиком Л. Блюментростом, Патриком Гордоном и др. Из русских людей Спарвенфельд был знаком с князем Лукой Федоровичем Долгоруким, Андреем Артамоновичем Матвеевым и др.

В бытность в России благодаря своим знакомствам и связям Спарвенфельд приобрел ряд рукописей и книг на западноевропейских, восточных и славянских языках. Переводчик Посольского приказа Н. Г. Спафарий-Милеску передал Спарвенфельду рукописное описание путешествия в Китай. От казанского воеводы Ивана Ивановича Голицына Спарвенфельд получил «Кронiku» Матвея Стрыйковского, от князя Якова Федоровича Долгорукого — Уложение с рукописными комментариями. К числу лиц, снабжавших Спарвенфельда литературой, принадлежал дьяк Семен Дмитриевич Ипполитов.

Большая часть литературы, приобретенной Спарвенфельдом в России, написана на русском языке. По своему содержанию это труды богословского характера, а также работы исторические, генеалогические, филологические.

Занимаясь русским и польским языками, Спарвенфельд почерпнул от грузинского князя Арчела Багратиона ряд сведений о языках армянском, грузинском, сирийском, древнееврейском и др.

В России Спарвенфельд, как было указано, пробыл три года. Обратный путь он совершил через Тверь, Новгород, Псков и в июне 1687 г. вернулся в Стокгольм.

По возвращении в Швецию Спарвенфельд занимался составлением русско-латинского и латино-русского словарей, учебника русского языка,⁸⁰ написанием истории и географии России.

В конце 1688 г. Спарвенфельд отправился в новое путешествие с целью собирания материалов для изучения проблемы происхождения готов. Он побывал в Брабанте, Любеке, Гамбурге, Амстердаме, Париже и других городах, в период с конца 1689 по конец 1690 гг. объехал Испанию, откуда вывез много книг на языках арабском, китайском, испанском, греческом. Из Испании Спарвенфельд через Париж и Лион проехал в Африку, посетил Алжир, Тунис, затем побывал в Швейцарии и Италии. В Швецию Спарвенфельд вернулся в 1694 г.

В дальнейшем Спарвенфельд служил при шведском королевском дворе в качестве церемониймейстера и занимался научной работой. Умер Спарвенфельд в 1727 г.⁸¹

Имеются данные о том, что в бытность Спарвенфельда в России между ним и русскими происходили недоразумения в связи с тем, что Спарвенфельду приходилось участвовать в русско-шведских переговорах по пограничным делам. Эти недоразумения отражали противоречия, возникавшие между Русским и Шведским государствами. Нельзя сказать, что приезд Спарвенфельда в Россию преследовал чисто культурные цели. Конечно, он имел какие-то задания от своего правительства. Но все же деятельность Спарвенфельда представляет собой интересную страницу в истории развития русско-шведских культурных связей.

Одним из памятников этих связей и являются четыре сборника из рукописного собрания гимназии в г. Вестеросе.⁸²

Все эти сборники представляют собой большие книги (в переплетах), в лист, писанные разными почерками конца XVII в. Водяные знаки главным образом голландской бумаги (львы поддерживают щит с короной, лев в щите, голова шута и т. д.).⁸³

⁸⁰ Во время своего пребывания в России Спарвенфельд передал материалы о русской грамматике чеху-иезуиту Давиду, автору русского букваря для иностранцев. См. статью А. В. Флоровского «Первый русский печатный букварь для иностранцев 1690 г.», напечатанную в настоящем томе.

⁸¹ Подробная биография Спарвенфельда дана в книге: J. G. Sparwenfeld. Bidrag till en Biografi Akademisk Avhandling av C. Vil H. Jacobowsky. Stockholm, 1932. — Благодарю Л. Л. Хорошкевич за помощь в переводе этой книги.

⁸² NN Ad 9, Ad 10, Ad 11, Ad 12. О них см.: Slavica Arasiensia Katalog över Ryska, Polska och Tjeckiska Handskrifter och Tryck från 1500—1600—och 1700—Talen i Stifts och Landsbiblioteket (Tidigare Stifts—och Gymnasiebiblioteket) i Västerås. Av E. Gawrýs och P. Jansson Västerås, 1956. — Детальное описание одного из кодексов (AD 10) принадлежит С. Даю. См.: Codex Ad 10 der Västeråser Gymnasial-Bibliothek von Staffan Dahl Uppsala, 1949. Все четыре сборника были выписаны для меня из Вестероса в Государственный архив в Стокгольм, где я имел возможность с ними детально ознакомиться.

⁸³ Некоторые водяные знаки из рукописи AD 10 опубликованы в названной работе С. Даля (Codex Ad 10 ... von Staffan Dahl, стр. 138—160).

Первый сборник (на 756 страницах)⁸⁴ включает Новгородскую окладную книгу конца XVII в. В ней перечислены различные служилые люди новгородских пятин: городовые, дворовые, выбор, гусары, гусарского строя, копейного строя ротмистры, рейтарского строя, уездные новокрещены, поместные и кормовые, отставные дворяне московские, земцы. Данные относятся к пятинам Обонежской, Деревской, Бежецкой, Вотской, Шелонской.

По листам идет скрепа дьяка Ивана Иванова. В конце текста (на стр. 756) указано, что «справил все пятины Максимко Протопопов». Список отставных дворян составлен «по смотру ближнего боярина и воеводы князя Бориса Ивановича Прозоровского». Все эти имена ведут к концу XVII в.

Почему Новгородская окладная книга попала в руки Спарвенфельда — сказать, конечно, трудно. Вряд ли в результате собирания материалов, диктуемого простой любознательностью. Ведь речь в книге идет о военных силах Новгорода, весьма интересовавшего шведов. Вероятно, получив благодаря своим связям в Москве окладную книгу, Спарвенфельд выполнил тем самым поручение шведского правительства — собирать сведения, представляющие интерес в военном отношении.

Второй сборник (Ad 10) заключает 1877 страниц. Содержание его следующее.

Стр. 1—128 (1670 г., декабря 20. — Русский перевод книги: *Antoine de Pluvinel. «Le manège royal»*): Книга лошадиного учения, переведена с французского письма на русский язык в нынешнем во 179-м году декабря в 20 день. Королевская ездная школа господина Плувинелла, королевского величества вышшего конюшева, в которой видети мочно, и как деется о обыкновениях, каким способом кони к езде добре выучить, и все иные, которые к выстроению подлинного рицера надобны суть, все по обыкновению его школы.

Окрашено со многими избранными образцами, которые великим трудением на живо показаны, и то все сызнова прилежно присмотрено и справлено от самага творца.

Печатано в Брушвейку городе 1653-го году, за воспоможением Готфрида Миллера.

Стр. 129—439 («Кроника» Феодосия Софоновича): Кроника з летописцов стародавних, з святого Нестора Печерского и инших, также с кроник полских, о Русии, отколь Русь почалася, и о первых князех русских, и по них дальших наступующих князех, и о их делах, собраная працою иеромонаха Феодосия Софоновича, игумена монастыря Михайловского Золотоверхого Киевского, року от сотворенья света 7180-го, а от Рождества Христова 1672.

Стр. 440—444 пустые.

Стр. 445—447 (1680 г., января 2): Перевод с шертной грамоты, какову дал Мурат-Гирий хан посланником столнику Василью Тяпкину да дьяку Никите Зотову...

Писана в Бакчесареве 1091-го году генваря в 2 день.

Стр. 448—449 (1681 г., марта 22): Перевод с турецкого письма з записи, какову дал посланником столнику Василью Тяпкину да дьяку Никите Зотову в Крыму Мурат-Герей салтан...

Писано месяца матерем во 22 день 1092-го году⁸⁵ во Адрианополи.

⁸⁴ В сборниках дана нумерация не листов, а страниц.

⁸⁵ Здесь, как и в предыдущей статье, в основу летосчисления положена эра хиджры.

Стр. 450—454 (1677 г., декабря 7): Список великого государя з грамоты, какова послана к турскому Магмету салтану столником с Офанасьем Поросукковым в нынешнем во 186 году декабря в 7 день...

Писан государствия нашего во дворе в царствующем велисем граде Москве лета от создания мира 7186-го декабря 7-го числа.

Стр. 454—456 (1678 г., апрель): Ответ. Перевод з грамоты, что писал к великому государю царю и великому князю Феодору Алексеевичю всеа Великия и Малыя и Белья России самодержцу турской Магмет салтан с Афанасьем Парасуковым в нынешнем во 186-м году июня в 1 день.

Магмет-салтаново слово...

Пашине поле 186-го году в апреле месяце.

Стр. 456—458 (1678 г. июня 1): Перевод с листа, каков писал к великому государю царю и великому князю Феодору Алексеевичю всеа Великия и Малыя и Белья России самодержцу турского Магмета салтана везирь Мустофа паша с Афанасьем Порусоковым в нынешнем во 186-м году июня в 1 день.

Стр. 458—461: Перевод з греческаго писма с листа, каков писал к великому государю царю и великому князю Феодору Алексеевичю всеа Великия и Малыя и Белья России самодержцу Деоникий цареградский архиепискуп...

Писано от рождества хрестова 1678-го апреля 1 день.

Стр. 461: Список с листа салтана турского, писан в Чигирин х казаком июля в 7 день 1678 году.

Стр. 461—462: К салтану турскому ответ из Чигирина от козаков.

Стр. 462—463: Список с листа, каков писал турской салтан цесарю Леополдусу.

Стр. 463—465: Список с цесарской грамоты, какова писана ко турскому султану.

Стр. 466—468 пустые.

Стр. 469—475 (1682 г., мая 15): Надворныя пехоты челобитие в бунтовании на Москве.

... Во 190 году мая в 15 день.

Стр. 476—482 пустые.

Стр. 483—545: Вводжение в Космографию и ея части. Перевод с латинского отца Елифания.

Стр. 546—550 пустые.

Стр. 551—593 (1685 г., марта 18—июня 20.—Переписная книга Воскресенского Новоиерусалимского монастыря): Описание великие церкви Воскресенского монастыря Новаго Иерусалима 193-го марта в 18 день, с подлинной переписной книги, по оуказу великих государей переписи Сыскных дел приказу дьяка Бориса Остолопова, а та переписная книга в Воскресенском монастыре в казне за ево дьячею рукою. А тот Воскресенской монастырь и великая церковь строение святейшаго Никона патриарха...

Писано в монастыре Воскресенском лета 7193-го месяца июня в 20 день, верно.

Стр. 594—606 (1685 г., января 15.—Описание царского похода в Воскресенский Новоиерусалимский монастырь): В лето 7193-го генваря в 15 день великий государь царь и великий князь Иоани Алексеевичь всеа Великия и Малыя и Белья России самодержец и тетка ево государева великая государыня благородная царевна и великая княжна Татяяна Михайловна со благочестивыми царицами и со благородными царевнами, по благому намерению своему, итти соизволиша из царствующаго града Москвы ко освящению великия новозданные каменные церкви во обитель

Новаго Иеросалима живоноснаго Христова Воскресения. А шли болшою Савинскою дорогою на дворцовое свое село Павловское, а из Москвы пошли в час ночи, вечернее и утренее кушанье было в селе Павловском. (Далее описание похода).

На стр. 605: А после их государского походу Государственного Посолского приказу оставлен подьячей Иван Иванов да живописец Карп Иванов, а велено им той великой каменной церкви учинить чертеж и места все описать и измерять подлинно, и подписание списать по местам таково ж, как и в новоосвященной церкви с подобия Иеросалимской церкви строено, и меру всему снять, и что на таблицах подписано и в подписях на колоколах вылито, описать же, и прежней деревяной образец той церкви из Воскресенского монастыря взять и привести к Москве в Государственной Посолской приказ, и тот чертеж подать и образец объявить боярину князю Василью Васильевичу Голицыну.

На стр. 606: А для сохранения вечного церковных сокровищ сея преславные и дивные великой Воскресенской каменной церкви живоноснаго Христова Воскресения, юже ныне по образу Иерусалимския церкви совершися и освятися, утвари церковной, и сосудов и разной казны прежняго и нынешняго великих государей жалованья и строения святейшаго Никона патриарха налицо досмотрить, также и в книгах хранительной казны старых и новых книг налицо ж осмотра, по указу великих государей, описать оставлен Приказу Сыскных дел дьяк Борис Остолопов. И те отписные книги, и о церковном строении надписание, и чин пришествие их государскому впредь будущим на память родом написав во святей обители, привести к великим государем к Москве и подать в Сыском приказе боярину Петру Васильевичу Шереметеву. И по тому их государскому указу о сем так учинено.

Стр. 607—614 пустые.

Стр. 615—637 (1681 г., мая 30—июня 17.—Статейный список русского погольштва в Польшу): Розговор, каков имели великого государя его царского величества послы с королевскими сенатори мая в 30 день.

Стр. 637—681 (1669 г.): описание рады и переговоров в Глухове и Глуховские статьи.

Стр. 681—689: Статьи ис челобитья нежинских мещан.

Стр. 689—696: Статьи с челобитья киевских мещан.

Стр. 697—701 пустые.

Стр. 703—868 (псевдо-Аристотелева Проблемата): Книга глаголемая проблемата о прирождении и о ставлении удов человеческих и зверей многих. Разделена суть сия книга в три части.

В первой части вопрошение и отвецание о всех удов прирожденных человеческих и зверей многих.

Во второй части о пицах или ядениях, которыя суть человеку прирожденные и здравы и которыя противны и вредительны. А та часть вторая делится на три части.

Третия часть указывает, что кой уд человеческой нрав являет и прирождение доброе или среднее или непотребное.

Во всех трех частех прочитаючи узриши многия таинственные предивныя и велми удивительныя и пречюдныя богом сотворенныя вещи всякому человеку велми потребныя.

Все три части имеют в себе глав 68, а статей в них 632.

Стр. 869—880: астрологический календарь.

Стр. 885—971 (Притчи Езоп. Русский перевод): Книга глаголемая Езоп по руски, а по гречески Стихослов, а еллински вирша, в ней же написашася повести о небесных птицах, и о земных скотех, и о зверех, и о гра-

дех и приводится ко всякому человеку разуму и нраву, притчами сказуются, и о дружбе и о недружбе, и о лести прочитая, иже увест всякий.

На стр. 971: Притча или баснословие Езопа Фрига философа греческаго и баснотворца, приведена быша з греческаго диялекта на словенский язык преводнику Феодором Казьяновым сыном Томвимьским в царствующем граде Москве в лета от создания мира 7116 году октября в 19 день.

Стр. 972—1023: Житие Езопа баснословия и охождение его и его мудрости, како стязался с еллинскими мудрецы и свою мудрость показуя многим царем. Списано от Максима Плавдия.

Стр. 1024—1026 пустые.

Стр. 1027—1221: Превод с Цицерона: Что есть епистолия и откуда речения и о прочих ея именовех.

Стр. 1222 пустая.

Стр. 1223—1314: Алкоран Махметов, учением еретическим жидовским и языческим исполненный, от Когелефа Христова разрушенный, в Чернигове лета 1683-го месяца мая 18 дня в типографии преосвященного в бозе его милости отца Лазаря Барановича православнаго архиепископа черниговскаго, новгородскаго и всего Севера, митрополии Киевской правителя, его благословением чрез честнаго в бозе отца Иоанникия Галятовскаго, архимандрита черниговскаго, елеуцкаго, вселенной явленный.

Стр. 1315—1347 (Симеон Полоцкий. «Комедии»): Комидия или действие еуаγγελския, притчи о блудном сыне бываемое.

Стр. 1348—1350 пустые.

Стр. 1351—1403 (Иоанн Готтфрид Грегорий. «Комедия» об Адаме и Еве): Жалобная комедия.

Стр. 1404—1414 пустые.

Стр. 1415—1460: Иоанн Готтфрид Грегорий. «Комедия» о Иосифе и Пентефрии.

Стр. 1461—1500: Повесть о Аполлоне короле Тирском.

Стр. 1501—1520: Приклад о дивном промысле божии и о почитании святого Григория.

1520—1533: Приклад о гордом цысыри Евиняне.

Стр. 1533—1545: Приклад о хитрости женскои.

Стр. 1545—1563: Приклад о преступлении души.

Стр. 1564 пустая.

Стр. 1565—1706. На стр. 1565: Книга Болшей Чертеж всему Московскому государству: городам и рекам и всяким полевым урочищам во все окрестные государства, в сем Чертеже мера верстами и милми коньскою ездою, колко дней ехать где и водою, то все написано, и мера верстам полжена...

А писана бысть сия книга Чертеж всему Московскому государству Болшой в лета от сотворения света 7178-го году, а от воплощения же бога слова 1671-го индикт декабря в 9 день.

Стр. 1707—1734: Описание Новыя земли, сиречь Сибирского царства и Московского государства, в которое время великий государь царь и великий князь Иоанн Васильевич всеа России самодержец, первый Росийского государства христианский царь, походом своим с Московского государства царство Казанское подкопом под Булат реку и царя Казанского Симеона жива взял лета 7061-го, и очеса избости ему повеле, и жити в Звениграде указа за стражею 7081-го году... (*Описание Сибири, Киргизской земли и Китая*).

Стр. 1735—1736 пустые.

Стр. 1737—1740: О поставление великих князей руских на великое княжение святыми бармами и царским венцем, откуда бе и како начаша

ставится. (Сказание о получении Владимиром Мономахом в Константинополе царских регалий).

Стр. 1741—1776: Чин и поставление на великое княжество Росийскаго государства сиречь на царство помазание сие бывает царем.

Стр. 1777—1782: Род государей и великих князей московских. Роспись уделным князем. (Роспись княжеских фамилий).

Стр. 1783—1784 пустые.

Стр. 1785—1814: Родословие великих князей русских (кончая царем Федором Ивановичем).

Стр. 1815—1831: Родословие великих князей черниговских и резанских и муромских, а се об них писание положим. (Далее идет 8 родословных таблиц).

Стр. 1832 пустая.

Стр. 1833—1836: Бога вседержителя предвечным изволением небесных чинов, владычествуеще присносушно державою, вездесущаго и вся провидящаго, божественною благодатию непостижимаго и вседарователнаго. . . Дне възклявшу же солнцу во всей его красоте со великою зрящих лепотою вышня красуется и нижняя мнуют. Солнце пресветлое лице царское увеселяет, сердца всех, мрак отгоняет, мир составляет, суд силен вносит, всказует попечение, творит, щедрит, дает в бою мужественных, творит самым воззрением, словом же одушевляет всяческая. Божество есть во устех царевых. Аще убо рымляне не просвещеныи суще, не видяще бога истиннаго токмо за благословение.

Стр. 1837—1860: Крест красота вселенне в оок царя славы. Христ по горких муках тыранской забавы, кровию освящен бысть багрянно сияет, честен на земли и всем небо отверзает.

Аллегория:

Крест когда виноватых казнити уставлен, проклятым стол безчестным всему миру явлен. Безвинну же распяту вины отпадает, с клятвы бо в святость Христос чын переменяет.

Анаграмма:

Крест посреде праведных и грешных мирило, победившим мир святость, грешным мене мило. В судный день небесные померкнут светила. Тогда крест на облацех ж явится свет сила. Волвыню краю стык крестом огражденный, благочестием крепкий впрям благословенный. Много терпишь от врагов, но Христос с тобою. Венец тебе от бога, наш крест с собою. . .

Стр. 1861—1864 пустые.

Стр. 1865—1877 (объяснение к «Чертежу» Сибири, составленное в 1667 г., при тобольском воеводе П. И. Годунове): 176-го ноября в 15 де[нь], по указу великаго государя царя и великаго князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, збиран сей чертеж в Тоболску за свидетелством всяких чинов людей, которые в Сибирских во всех городах и острогах хто где бывал, и горы, и остроги, и урочища, и дороги, и земли знают подлинно. И какие ходы от города до города, да от слободы до слободы, и до которого места, и дороги, и земли, и урочища, и до земель в сколку дней, и сколко езду и верст, и где меж слобод Тоболского уезду построить от приходу воинских людей по висмотру столника и воеводы Петра Ивановича Годунова с товарищи какие крепости, и по сколку человек в которой крепости посадить драгун в кото-

рой крепости, сколько ходу дней и недель, и степю, и водами ж до Китай, и то писано в чертеже порознь по статьям в кругах. Так же за свидетельству иноземцов и приезжих бухарцов и служилых татар.

Материалы сборника Ad 10 распадаются на несколько групп.⁸⁶ Первую группу материалов составляют памятники, характеризующие внешнеполитические взаимоотношения России в конце XVII в. (отношения русско-украинские, русско-польские, русско-крымские, русско-турецкие и т. д.). Очевидно, Спарвенфельд, может быть выполняя задания шведского правительства, хотел иметь у себя в руках документальные данные, касающиеся международного положения Русского государства.

Ко второй группе памятников, имеющих в сборнике Ad 10, относятся те, которые характеризуют внутреннее состояние Русского государства, его политическую систему. Это челобитная стрельцов 1682 г., «Чин» венчания на царство и другие материалы, которые должны были помочь лучшему знакомству с политическим строем России.

Проявлял Спарвенфельд интерес и к географии России. Отсюда появление в Сборнике Ad 10 «Книги Большому Чертежу», «Описания Новья земли, сиречь Сибирского царства», объяснения к «Чертежу тобольского воеводы Годунова, наконец, описания Воскресенского Новоиерусалимского монастыря.

История России освещена в сборнике Спарвенфельда «Кроникой» Сафоновича (характерно внимание со стороны Спарвенфельда к прошлому Украины), княжескими родословными, легендой о добывании Владимиром Мономахом царских регалий и т. д.

Наконец, в сборнике имеется и ряд чисто литературных памятников (главным образом переводных).

Бросается в глаза целеустремленность в подборе материала для сборника Ad 10. В нем мы находим не случайно оказавшиеся в руках Спарвенфельда памятники письменности. Он намеренно собирал то, что могло расширить представления шведского общества о географии, истории России, внутренней и внешней политике Русского государства, наконец, о степени образованности русских людей, о проникновении в Россию литературных произведений из других европейских стран.

В Швеции сборник, подобный Ad 10, конечно, должен был содействовать распространению сведений о России и русско-шведскому культурному сближению.

Третий сборник Спарвенфельда (Ad 11) написан на 1675 страницах.

На стр. 1 имеется надпись: «Сиа книга родословна и степенна Иоанна Гаврила Иванова Спарвенфелта жалование благодетеля и приятеля а. а. с. б. и с. ц. п. а. в Москве лета 1686, 22 авриля». В Каталоге рукописей Вестероской библиотеки сокращенные слова, обозначенные начальными буквами, восстанавливаются так: «А[ндрея] А[ртемоновича] с. б. и с[толника] [у] ц[аря] П[етра] А[лексеевича]».

Если довести расшифровку до конца, то, может быть, следует текст прочитать таким образом: «Сиа книга родословна и степенна Иоанна Гаврила Иванова Спарвенфелта жалование благодетеля и приятеля А[ндрея] А[ртемоновича], с[ына] б[оярина] и с[толника] ц[аря] П[етра] А[лексеевича], в Москве лета 1686, 22 авриля».

Стр. 2 сборника оставлена пустой. На стр. 3 наверху сделана пометка: «Jg. Sparwenfeld».

По стр. 3—129 внизу идет надпись: «Сия книга Иоанна Гаврила Спарвенфелта, шляхты свейскаго, жалование Андрея Артемоновича ко мне

⁸⁶ Попытка классификации этих материалов сделана в вышеуказанной работе С. Даля (Codex Ad 10 ... von Staffan Dahl).

в царствующем граде Москве лета от воплощения бога слова 1686, да будет давшему и стяжателю спасение, мир и благословение от господа бога вседержителя, ему же да будет слава и похвала во веки веком, аминь».

Таким образом, из всех приведенных помет выясняется происхождение сборника Ad 11. Спарвенфельд получил его от А. А. Матвеева.

Содержание сборника таково.

Стр. 3—48 (*Хронограф*): Летописец вкратце.

Стр. 3: Судии Израильтеския. Цари ерусалимския.

Стр. 4: Самарийския цари.

Стр. 10: Сказание о Риме.

Стр. 28: Повесть вкратце полезна о латынех, когда отлучишася от греки святых божия церкви, яко изобретоша себе ереси еже опресночная служити и хулу еже на святого духа, в лето 6286 собор 7.

Стр. 35: О Петре Гугнивом.

Стр. 36: Ведомо же буди и се яко в Гугниваго Петра веруют латыни, (стр. 37) а не во святого Петра, аще ли кто управляет веру латынскую, да будет проклят, да ся не блазнят христиане о вере латынской . . . О царградских царех.

Стр. 49—99: Книга глаголемая родословец великих князей великия Росии от перваго великаго князя Рюрика и по великаго государя царя и великаго князя Феодора Ивановича всеа Русии самодержца.

Стр. 100 пустая.

Стр. 101—102: История сиречь повестник о епископиях, елики подлежат и послушни суть митрополиту киевскому и всеа Русии.

Стр. 103—108: Родословие русских государей.

Стр. 109—1652: Сказание о святем благочестии русских началодержец и семени их святого и прочих. Книга степенна царскаго родословия, иже в Рустей земли в благочестии просиявших, благутверженных скипетродержателей. . .

Стр. 1603—1652: (продолжение «Степенной книги», в состав которого входят места из «Иного сказания» и статей *Хронографа* 1617 г.; ниже дается детализация памятника по главам).

Стр. 1603: Царство государя царя и великаго князя Феодора Ивановича всеа Русии.

Стр. 1604: Царство Борисово, его же от сиглитскаго сану рекомаго Годунова.

Стр. 1611: О Ростриге.

Стр. 1613: Царство Феодора Борисовича Годунова.

Стр. 1615: Царство Ростригино, иже лжею от лукаваго взят на ся именованье на царевича князя Димитрия углецкаго.

Стр. 1619: Царство Василия царя по пренарекнованию Шуйскаго.

Стр. 1620: О поставлении патриарха Ермогена.

Стр. 1621: О злом развратнице Петрушке и о прочих мятежниках.

Стр. 1622: О принесении мощей святого мученика царевича Димитрия и о избавлении града Москвы от безбожных мятежников.

Стр. 1624: Паки о победе Василия царя на злых мятежники и на началнаго их прегордаго разбойника Петрушку.

Стр. 1625: О новоявлшемся развратнице в Тушине, его ж имя нарицашеся дикой вор Тушинской.

Стр. 1627: О мужестве царскаго воеводы князя Михайла Васильевича Скопина.

Стр. 1628: О сонмищи мятежников на царя Василия.

Стр. 1631: О пленении царя Василия, и о смерти его, и о разорении града Москвы.

Стр. 1632: О боярском державстве Московского государства.

Стр. 1633: О Ермогене патриархе и о кончине его.

Стр. 1635: О владении Москвы литовскими людьми и паки о взятии.

Стр. 1636: О Козме Миниче, како поболе о православной христианской¹ вере.

Стр. 1637: О военачалнике искусна во бранех.

Стр. 1638: Царство государя царя и великого князя Михаила Феодоровича всеа России самодержца.

Стр. 1643: О свобожении Великого Новаграда.

Стр. 1645: О свобожении государева отца преосвященнаго Филарета ростовскаго и ярославскаго митрополита.

Стр. 1646: О принесении Христовы срачицы.

Стр. 1651: О пожарах московских.

(Памятник доходит до 1630 г., заканчиваясь известием о рождении у царя Михаила Федоровича дочери Анны).

Стр. 1653—1660 пустые.

Стр. 1661—1668: Родословец великих князей русских, написано вкратце (князья ростовские, тверские, белозерские, смоленские, ярославские и пр.).

Стр. 1669—1675: Род великих князей резанских, и муромских, и пронских.

По своему содержанию сборник Ad 11 более компактен и целеустремлен, чем сборник Ad 10. Его содержание — чисто историческое, причем он включает основные произведения, посвященные всеобщей и русской истории: Хронограф, «Степенную книгу» с продолжением в виде «Иного Сказания», наконец родословцы.

В четвертом сборнике Спарвенфельда (Ad 12) насчитывается 918 страниц. Его содержание таково.

Стр. 1—2 пустые.

Стр. 3 (в рамке на листе): Сказание вкратце о начале царства Казанского, и о брани и победах великих князей московских со царьми казанскими, и о взятии того ж царства Казанского. Тщанием Иоанна Спарвенфельта его ж и есть списано на Москве лета от создания мира 7194-го, а от воплощения бога слова 1685-м году.

Стр. 4—6 пустые.

Стр. 7—271 (Казанский летописец): Сказание вкратце о начале царства Казанского, и о брани, и о победах великих князей московских со царьми казанскими, и о взятии того ж царства Казанского, красныя убо и новыя повести сия достоит нам радостно послушати, о христоименитии людие, яко же содеяшася преславная в нашей земли во дни наша.

Стр. 272—278 пустые.

Стр. 279 (в рамке заголовка): Краткое собрание русских дел и вещей или жития неких преждебывших государей московских и всея России, сиречь житие великаго князя Феодора Ивановича, ж[итие] в[еликого] к[нязя] Бориса от синклитскаго сана, рекомаго Годунова, Феодора Борисовича Годунова, ростриги Григория Отрепьева, иже лжею взят на ся именование царевича Димитрия ложнаго, житие Василия Ивановича Шуйского, таже о разорении града Москвы от полаков, о владении в Москве литовских людей, о взятии полаков, литовы и немец в граде кремле, и о царстве Михаила Феодоровича в[сеа] Р[оссии] с[амодержца] и проч., списано повелением Иоанна Г. Спарвенфельта в нынешнем 7194-м году в месяца сентевря.

Стр. 280—286 пустые.

Стр. 287—585 (повесть о «Смуте», озаглавленная на стр. 279; составлена на основе «Сказания» Авраамия Палицына, «Иного сказания», статей

о «Смуте» Хронографа редакции 1617 г.; ниже дается детализация повести по главам).

Стр. 287: Царство государя царя и великого князя Феодора Ивановича всеа Руси.

Стр. 301: О совете митрополита Дионисия московского всеа Руси з бояры и с купецкими людми к государю царю.

Стр. 309: О преставлении государя царя и великого князя Феодора Ивановича всеа Руси.

Стр. 310: Царство Борисово, иже от синклитскаго сану рекомаго Годунова.

Стр. 321: О начале беды всеи Руси и о гладе велицем, о мору на люди.

Стр. 326: О зачале разбойничества по всей Росии.

Стр. 340: О ростриге Григории и о смерти царя Бориса.

Стр. 358: О второй брани.

Стр. 360: О пленении Комаритския волости от Бориса.

Стр. 361: О приступех Кромь граду Борисовых воевод.

Стр. 362: О укреплении Борисове всенароднаго множества московскаго.

Стр. 364: О смерти царя Бориса.

Стр. 365: Царство Феодора Борисовича Годунова.

Стр. 382: Царство розстриги Григорья Отрепьева, иже лжею взят на ся именованне царевича Димитрия ложнаго.

Стр. 386: О изгнании патриарха Иова московскаго и всеа Руси.

Стр. 392: О сотворении ада на Москве реце Розстриги.

Стр. 401: О совете Розстриги, како бы ему побити московских бояр.

Стр. 403: О смерти Розстригине со злосоветники его.

Стр. 409: Царство Василия царя по приреканию Шуйскаго и родословие ему.

Стр. 411: О поставле[нь]и Германа патриарха.

Стр. 412: О злом развратнице Петруше и о прочих мятежниках.

Стр. 414: О принесении мощей святаго мученика Димитрия и о избавлении града Москвы от безбожных мятежников.

Стр. 427: Выписка ис целовальной записи.

Стр. 453: Повесть сия есть велми и зело полезна нынешнему роду лукавому, и непокорливому, и отбегшему от божия милости, и уклонишася от заповедей его святых, и падшему в сети диявола многообразличней.

Стр. 460: О приходе к Москве Смоленския силы и двинских стрелцов.

Стр. 475: О новоявльшемся развратнице тишине, имя нарицашеся дикою вор Тушкинской от Северских градов попов сын Матюшка Веревкин.

Стр. 478: О мужестве царьскаго воеводы князя Михаила Васильевича Шуйсково Скопина.

Стр. 481: О приходе к Москве гетмана пана Желтовскаго, и о бою со князем Дмитрием Шуйским, и о приходе паки к Москве ложнаго царика.

Стр. 483: О сонмище мятежников на царя Василия.

Стр. 484: О чудеси бывшем во царство Василия царя.

Стр. 485: Паки ино бысть преславное чудо.

Стр. 486: О пострижении царя Василия.

Стр. 488: О крестном целовании москвичь с поляки.

Стр. 488: О послех.

Стр. 492: Сказание вкратце о разорении царствующаго града Москвы.

Стр. 503: О пленении царя Василья, и о смерти его, и о разорении града Москвы.

Стр. 504: О боярском державстве Московскаго государства.

Стр. 506: О Гермогене патриархе и о кончии его.

Стр. 508: Об владении Москвы литовских людей и паки о взятии ея руским людем.

Стр. 515: О убиении воеводы Прокофья Лапунова.

Стр. 517: О гетмане Хоткеевиче.

Стр. 518: О князе Дмитреи Михайловиче Пожарском, и о Козме Минине, и о приходе их к Москве со множеством воинства.

Стр. 520: О новом лжецаре.

Стр. 535: О взятии обоза и о победе на ли[то]вских люден.

Стр. 539: О явлении чудотворца Сергия во осаде Галасунскому архиепископу Арсению.

Стр. 541: О взятии поляков, и литвы, и немец во граде кремле.

Стр. 546: О избрании благовернаго и благороднаго и великаго государя царя и великаго князя Михайла Федоровича всеа Руси самодержца и о посте и о молитве всех православных христиан.

Стр. 553: О послании к государю х Костроме с молением и о наречении его царьском.

Стр. 563: О введении государя на превысочайший царский престол Московскаго государства и всеа Русии.

Стр. 566: Сказание о приходе под царствующиим град Москву и[с] Полши королева Жигимонтова сына Владислава со множеством воинства, с полскими, и литовскими людми, и с немцы, и с черкасы, и с рускими изменники, (стр. 567) и с иными многими, а ис-под Москвы прииде под Троицкой Сергиев монастырь, и с московскими послы взем мир, возвратися в Полскую землю.

Стр. 574: Чюдо преподобнаго и богоносного отца нашего Сергия чудотворца о исцелевшем немом и глухом.

Стр. 579: О приходе в монастырь послом Московскаго государства и о миру с королевскими послы.

Стр. 586—592 пустые.

Стр. 593—613: оглавление Нового летописца.

Стр. 615—916: Книга, глаголемая Новой Летописец.

Стр. 917—918 пустые.

В сборнике Ad 12 точно указана дата его составления — 1685 г.

По содержанию сборник является логическим продолжением рукописи Ad 11, включая, как и последняя, произведения исторического характера.

Все четыре сборника, вывезенные Спарвенфельдом из России в Швецию, на наш взгляд, представляют большой интерес не только для освещения вопроса о русско-шведских культурных связях, но и непосредственно для изучения русской истории и литературы XVII в.⁸⁷

⁸ Краткие сведения о некоторых рукописях Вестероской гимназии были даны в «Вестник Европы» (М., 1819, № 10, стр. 121—129)